

А.Г. Киселев

Среди книг...

Обзор новинок научной и научно-популярной литературы Петрозаводска и Саранска из зала новых поступлений РГБ по проблемам истории и культуры финно-угорских народов

A.G. Kiselev

Among the books...

The review of the scientific and scientific-popular literature of Petrozavodsk and Saransk among new entry of Russian State Library on problems of history and culture of the Finno-Ugric peoples

Кораблев, Н.А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей / Н.А. Кораблев, Т.А. Мошина. – Петрозаводск: PERIODICA, 2016. – 107 с.

Петрозаводское издательство «PERIODICA» выпустило в свет 2-е переработанное и дополненное издание книги известных карельских историков Н.А. Кораблева и Т.А. Мошиной, посвященное Пименовым – династии предпринимателей, благотворителей и общественных деятелей Карельского края. Труд весьма основательно фундирован. Достаточно сказать, что авторы использовали документы 37 фондов центральных и республиканских архивов, богатый иллюстративный материал, снабдили книгу колоритными документальными приложениями. Подлинно научной и в то же время популярной книгу делает присущее большинству современных авторов, пишущих о российских предпринимателях, сочетание биографического, микро-исторического подхода с интересом к эпохе, культуре в широком смысле этого слова, характеризующих дореволюционную Россию и ее Карельский край.

Для нашего журнала очерк Н.А. Кораблева и Т.А. Мошиной интересен и тем, что их герои были выходцами из вепсского Прионежья. Основатель династии Марк Пименович прославился своими строительными предприятиями в Петербурге, прежде всего удачным

подрядом на строительство знаменитого Аничкова моста, сооруженного за год в 1841 г., а также подрядами на фортификационных сооружениях Кронштадта. Торгово-промышленные дела вел и в Карелии. Убедительным выглядит предположение авторов о мотивах перехода М.П. Пименова из петербургского в петрозаводское купечество. Это был своеобразный «возврат домой». «По-видимому, данный шаг 43-летнего бездетного предпринимателя был продиктован не только намерением в перспективе сместить акцент в своей деятельности от строительных подрядов к торговле, но и ностальгическими чувствами по отношению к малой родине, к многочисленной родне, к более размеренному провинциальному укладу жизни»,¹⁷ - пишут историки.

Колоритным получился и очерк о Ефиме Григорьевиче и его сыновьях. Интересно, в частности, наблюдение о судьбе Марка, Михаила и Даниила, избравших не продолжение дела отца, а чиновничью карьеру, но все же, видимо не случайно, по контрольному ведомству¹⁸.

Отмечая несомненные достоинства книги, укажем, тем не менее, и на известную неудовлетворенность: авторы, давно занимающиеся Пименовыми, историей предпринимательства в целом, фактически обошли молчанием историю развития пименовского дела, как business history (не ясно, в частности, как были организованы капиталы, что и почему

¹⁷ Кораблев, Н.А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей [Текст] / Н.А. Кораблев, Т.А. Мошина. – Петрозаводск: PERIODICA, 2016. – С. 18.

¹⁸ Там же. – С. 57.

произошло с крупным делом основателя династии, как и почему капиталы Пименовых мельчали).

Говорят, что авторов нельзя упрекать за то, чего они не написали. И это, наверное, правильно. В целом очерк Н.А. Кораблева и Т.А. Мошиной займет достойное место в ряду современных «купеческих исследований».

Бикейкин, Е.Н. Аграрная модернизация во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг.: региональный дискурс (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР). Монография / Е.Н. Бикейкин. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. – 272 с.

Монография известного саранского историка Е.Н. Бикейкина посвящена исследованию регионального аспекта развития сельского хозяйства Марийской, Мордовской и Чувашской автономных республик. Книга начинается с анализа определения «региона», природно-климатических условий Поволжья, историографии аграрных преобразований эпохи Хрущева, дается характеристика источников. На хорошем фактическом материале автор рассматривает управленческие реформы на селе, попытки реализации «сверхпрограмм» (целина, кукуруза и животноводство), изменения в кадровом обеспечении деревни, вопросы механизации и электрификации аграрного производства. Своеобразным заключением служит раздел, посвященный тенденциям и противоречиям в развитии сельскохозяйственного производства. Реальность деревни Поволжья воссоздается как сложная, противоречивая, обремененная массой острых проблем. По мнению автора, они порождались как ошибочными решениями властей, так и грубыми нарушениями законодательства на местах, настороженным отношением к новым прогрессивным формам организации труда, неиспользованием резервов повышения производительности труда и др.

Хотя тема работы заявлена как «региональный дискурс», в работе он представлен скорее как властный и общественный, и то без достаточного концептуального оформления. Дискурс как некая система определенным образом формулируемых представлений об аграрных преобразованиях деревни Поволжья в книге отсутствует.

Шамова, Л.Н. Причетные формы мордвы-эрзи Присурья. Монография / Л.Н. Шамова. – Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. – 240 с.

Монография посвящена малоизученной составляющей фольклора мордвы-эрзи. «В причитаниях, – отмечает автор, – отражены важные жизненные устои этноса: в свадебных – создание новых семей и рождение детей, т. е. созидание будущей жизни, в похоронных – смена поколений и связь с прошлым»¹⁹... И далее: «необходимо отметить, что в причетной сфере замечена консолидация общинного сознания, поскольку не возникало разрыва в исполнительской традиции между старшим и сравнительно молодым поколениями»²⁰.

Поскольку целью работы является выявление генезиса мордовской музыкальной традиции в общем контексте песенной культуры финно-угорских народов, эрзянские причитания рассматриваются в сравнении с причитаниями родственных финно-угорских народов – карел, коми, удмуртов.

Наконец еще одной характерной чертой рецензируемого труда является междисциплинарный подход. Эрзянские причитания рассматриваются комплексно с привлечением филологии, этномузыкологии, этнографии, истории и краеведения.

В трех главах книги представлены соответственно похоронно-поминальные и свадебные причитания, принципы их мелодического развития и типы напевов, причитания мордвы-эрзи в эволюционной цепи музыкальных традиций финно-угорских народов.

¹⁹ Шамова, Л.Н. Причетные формы мордвы-эрзи Присурья. Монография [Текст] / Л.Н. Шамова. – Саранск: Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. – С. 11.

²⁰ Там же. – С. 12.

В заключении Л.Н. Шамова останавливается на некоторых важных особенностях причитаний мордвы-эрзи в сравнении с другими финно-угорскими народами: персонификация «действующих лиц» в похоронно-поминальных обрядах (очевидно, заимствованная у русских), некоторые особенности мелодики, «отсутствие реакции поэтического текста на мелодическое движение». Автор связывает это обстоятельство с сохранением архаичных форм, сложившихся в эпоху «патриархального общественного строя», когда отдельных мелодий для причетов еще не сложилось, и их распевали мелодически так же как и эпические тексты).

Автор заключает, что «эрзянские причитания коренятся в недрах эпически-сказительных жанров мордовской духовной культуры, истоки их восходят к этапу становления эпических форм...»²¹.

Вихляев, В.И. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника в 1999-2001 гг. Монография / В.И. Вихляев, С.А. Пронин. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. – 356 с.

Многолетние исследования Кельгининского могильника позволили саранским археологам В.И. Вихляеву и А.С. Пронину прийти к выводам, существенно уточняющим обстоятельства средневековой истории мокши. Ценность полученных материалов повышается благодаря открытию нескольких пластов погребений X-XI, XIV-XV, XVII-XVIII вв., что дает возможность использовать их для исследования как преемственности мордовской средневековой культуры и культуры Нового времени, так и процесса взаимодействия мокшанской культуры с культурами соседних народов Руси, Волжской Булгарии, Муромы и др.

Так ранние погребения показывают, что уже в конце X – начале XI в. часть мордовских земель оказалась во власти Древнерусского государства. Учеными обнаружены, в частности, должностные знаки-подвески киевских князей этой эпохи, в том числе металлические подвески с изображением родового

знака Рюриковичей, бывшие в ходу обычно в землях, состоявших в зависимости от великого киевского князя, славянские браслеты, перстни, височные кольца. Все это, по оценке ученых, свидетельствовало о смене культурного влияния в эту эпоху – на смену хазарской приходит влияние славянской культуры.

К XI столетию относятся и конские погребения, пришедшие к мордве и на Русь в результате миграций муромы с Нижней Оки. В одном из таких погребений было обнаружено оружие, что, наряду с другими памятниками, по мнению исследователей, говорит о наличии у мордвы-мокши конной дружины.

Эти и другие наблюдения и выводы авторов, безусловно, будут интересны специалистам и любителям средневековой истории народов Поволжья.

Роль культурного наследия в современных этнополитических, этнообразовательных, этноконфессиональных процессах. Материалы Всерос. с межд. участием науч.-практ. конф. / отв. ред. С.В. Першин. – Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2016. – 279 с.

Редколлегия сборника научных трудов Всероссийской конференции в Саранске (ноябрь, 2015 г.), презентуя сборник читателю, исходила из важности «национально-этнического возрождения культур и народов» в условиях глобализации. Книга содержит 6 разделов: об этнокультурной направленности образования, социокультурных аспектах исторического образования, традиционной культуре и этнической идентичности, межнациональных и межконфессиональных отношениях, языках в условиях глобализации и, наконец, о культуре диалога «в социокультурном пространстве». Однако в целом на конференции выдержать этнокультурную линию удалось с трудом. В некоторых секциях докладов, посвященных этой проблематике мало либо нет совсем.

В «образованческом» разделе обращают на себя внимание так называемые «ФГОС'ные» доклады о формировании универсальных учебных действий на уроках мордовского языка, проектно-исследователь-

²¹ Там же. – С. 128.

ской деятельности, словарной работе школьников, новых образовательных технологиях на уроках истории. Очевидно, что обучение детей в школе все дальше уходит от традиций, делается непривычным, а зачастую и непонятным для тех, кто учился когда-то в советской школе. «Современное образование отказывается от традиционного представления результатов обучения в виде знаний (!), умений и навыков (!) учащихся, так как новые образовательные стандарты носят деятельностный характер и направлены на развитие личности ребенка»²², – читаем в одном из докладов. Вот так вот. И это пишут учителя истории. История без знаний, каково?

По-настоящему интересным в этом разделе сборника представляется доклад М.И. Савостькиной. Видно, что родной мордовский язык для автора – не некий расходный материал для «инноваций», а словари предназначены, в том числе, для приучения ученика к размышлениям и бережному отношению к родному слову.

Разделы, посвященные истории и культуре диалога составлены из докладов саранских ученых и преподавателей отечественной и всеобщей истории, философии ни один из которых вопросов этнической истории и культуры не касается.

Раздел «Традиционная культура в системе формирования этнической идентичности» в действительности весьма пестрый в проблемном отношении. Таллинская исследовательница Н. Ермакова высказалась о традициях бытования и современном состоянии эрзянских причитаний, отметив появление новых текстов на «базе общей культуры и памяти». Весьма содержательный доклад о «социально-нормативном пространстве» и ментальности этноса, в том числе на собственных полевых материалах, сделала Ж.В. Кузнецова, сосредоточившая внимание на культурном расколе северных и южных алтайцев.

Обстоятельностью отличается и работа С.В. Першина, Т.А. Першиной и Т.П. Кузнецовой. Авторы показывают социально-экономическое развитие и изменения численности и состава населения села Тарханово, превра-

тившегося к концу XVII в. из мордовского в русское. Мордва вследствие усиления податного гнета, вытеснения с угодий, насильственной христианизации, активно переселялась на новые места.

С интересом читается и доклад Е.В. Тюганковой о национальной одежде самарской морды. Описание традиционных способов изготовления и ношения такой одежды сопровождается анализом ее вытеснения на рубеже XIX–XX вв. из культурного обихода под воздействием урбанизации, миграционной активности молодежи и распространения фабричных тканей. При этом автор считает, что самарская мордва в большей мере, нежели представители других этносов на территории Самарской губернии, сумела сохранить элементы традиции.

Раздел, посвященный межнациональным и межконфессиональным отношениям, высоким качеством докладов не отличается. Нормативно-инструктивный характер присущ публикации о борьбе с экстремизмом, субъективно-просветительский – о статусе женщины в исламе. Авторы работы об «инtolерантности» в национальной политике России рубежа XIX–XX вв. пересказывают давно известные вещи (забывая при этом о фундаментальной монографии на эту тему В.С. Дякина, работах А.И. Миллера).

Довольно качественный научный текст принадлежит А.В. Мартыненко, исследовавшему Ахмадийское движение, в том числе в его современном состоянии. Обращает на себя внимание и личное знакомство автора с современными восточными реалиями, и широкое использование трудов зарубежных востоковедов.

Содержательное исследование о взаимоотношениях мусульман Среднего Поволжья и правительства в 1914–1917 гг. предприняли А.К. Тихонов и Т.М. Голубкина, представившие реакцию российских мусульман на Балканские войны, изменения отношения татарской молодежи к Османской Турции, куда они ездили учиться, верноподданнический энтузиазм в связи с вступлением России в

²² Якунчева, М. Г. Современные педагогические технологии как средство реализации требований ФГОС на уроках истории [Текст] / М.Г. Якунчева, В.А. Казеннова // Роль культурного наследия в современных этнополитических, этнообразовательных, этноконфессиональных процессах. Материалы Всерос. с межд. участием научн.-практ. конф. – Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т, 2016. – С. 63.

мировую войну... Интерес вызывает оценка влияния ислама на политическую ориентацию в связи с войной (против Турции) мусульманской части российского общества, различия в отношении к войне разных групп мусульманского населения, динамика настроений на протяжении 1914-1917.

В секции «Языки и культура в условиях глобализации» представлены доклады, связанные с творчеством национальных писателей и поэтов – Хади Такташа, И. Пиняева, А. Тяпаева, Н. Ишуткина. Лингво-культурологический характер носят публикации «Человек как объект и образ сравнения в устойчивых сравнениях мокшанского языка» С.В. Богдашкина и Т.В. Терентьева, «Глаголы со значением образа жизни в русских говорах Мордовии» Г.П. Мосоловой и Е.В. Латышова, «объекты адресации жанра послания в современной мордовской поэзии» О.И. Налдеевой и Н.И. Антипова.

Клюева, И.В. Скульптор С.Д. Эрзя: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX – середины XX века. Монография / И.В. Клюева. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. – 280 с.

Мирская, Н.М. Степан Эрзя под взглядом Николая Шибакова (проблемы творчества) / Н.М. Мирская. – Саранск, 2016. – 400 с.

140-летию со дня рождения выдающегося российского скульптора Степана Дмитриевича Эрзя посвятили свои работы И.В. Клюева и Н.М. Мирская. Первая книга – академическая монография, целью которой была характеристика творчества скульптора в культурном контексте последней трети XIX – середины XX в. Вторая – это эвристический анализ отражений «творчества в творчестве» – произведений, мировоззрения и мироу-

ствования С.Д. Эрзя в трудах известного мордовского журналиста и искусствоведа Н.И. Шибакова.

Впрочем «творчество в творчестве» налицо и в книге И. В. Клюевой, представившей своего героя как выразителя определенной культурно-исторической среды, а его произведения как объективацию культурного опыта эпохи, ее ментальности.

Автор выявляет связи искусства С.Д. Эрзя с доминирующими художественными направлениями рубежа XIX-XX в.: реализмом, импрессионизмом, символизмом, модерном, экспрессионизмом. Констатация «не достаточно глубокого и основательного» осмысления скульптором социальных и идейно-философских «координат эпохи»²³ только подчеркивает собственно художественную, творческую ценность произведений героя книги. Ведь художественное творчество – это прежде всего самовыражение. «Его находки стиля и принципов пластики, столь различные, тем не менее, удивительным образом соединяют искания начала XX века с исканиями в области искусства в середине века», – пишет уже Н.М. Мирская. Этот феномен [различий] она объясняет тем, что С.Д. Эрзя «опирался на принципиальные основы народного мировосприятия... а «заряд» получил от демократической культуры предреволюционной России»²⁴.

Выбор творческого псевдонима, безусловно, был «манифестацией этнокультурной идентичности»²⁵. И хотя в обеих книгах С.Д. Эрзя предстает как выдающийся российский, европейский, латиноамериканский художник, замечены и анализируются, и этнические интенции его искусства.

И.В. Клюева вслед за Г.Д. Гачевым видит их, прежде всего, не в тематике, а в «структуре» творчества скульптора – «само видение мира сквозь узловатую суковатую фактуру дерева, леса, есть видение лешего, невиданное доселе в искусстве»²⁶.

²³ Клюева, И.В. Скульптор С.Д. Эрзя: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX – середины XX века. Монография [Текст] / И.В. Клюева. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. – С. 198.

²⁴ Мирская, Н.М. Степан Эрзя под взглядом Николая Шибакова (проблемы творчества) [Текст] / Н.М. Мирская. – Саранск, 2016. – С. 101.

²⁵ Клюева, И.В. Скульптор С.Д. Эрзя: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX – середины XX века. Монография [Текст] / И.В. Клюева. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. – С. 35.

²⁶ Клюева, И.В. Скульптор С.Д. Эрзя: биография и творчество в культурном контексте последней трети XIX – середины XX века. Монография [Текст] / И.В. Клюева. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2016. – (Цит по: Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988. – С. 345).

Финно-угорские народы России / науч. ред. проф. В.А. Юрчёнков. – Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2016. – 864 с.

Оцениваемый труд является одновременно и научно-популярной книгой, и своеобразным манифестом российских финно-угров, вполне соответствующим сегодняшнему состоянию российского финно-угорского дискурса. Кризис традиционной культуры, шире – этнокультурные проблемы – налицо. Но зарубежным скептикам относительно будущего культуры финно-угров в России противопоставляется вера в творческие силы наших народов, которые вместе с другими народами России (и властью) способны дать достойный ответ на вызовы времени.

В издательском отношении это богато выполненный труд (большой формат, высококачественная бумага, прекрасные иллюстрации, «подарочное издание»). Книга явно адресована не столько «внутреннему читателю», сколько «зарубежным скептикам» – текст ее дается на русском и английском языках.

Яловицына, С.Э. Лютеране в Карелии: исторические очерки / С.Э. Яловицына. – Петрозаводск: ИП Марков Н.А., 2016. – 216 с.

Протестантизм в последнее десятилетие получил широкое распространение на землях российских финно-угров. Попытку выяснить роль этнического и конфессионального компонентов в самоидентификации финнов-лютеран на территории российской Карелии XIX – начала XX в. предприняла С.Э. Яловицына.

Рецензируемый труд представляет собой качественный научный текст. Более 20 архивных фондов, почти 30 сборников документальных публикаций, 120 наименований в списке литературы, в том числе более 40 книг на финском языке не просто числятся в приложении, но на самом деле «живут», «работают» в книге.

Введение производит несколько противоречивое впечатление. С одной стороны, автор обстоятельно объясняет замысел книги,

формулирует задачи, позволяющие его реализовать, анализирует некоторые ключевые понятия (адаптация, ассимиляция). С другой, ничего не говорит о научной литературе, посвященной истории лютеранства в России, вопросам культуры и религиозности российских финнов. Крайне лапидарна и характеристика источников.

Автор последовательно рассматривает историю проникновения лютеранства на территорию Карелии, его распространения через динамику численности и состава прихожан, выясняет этнический состав приходов, характеризует основные направления их деятельности в связи с изменениями условий и государственной конфессиональной политики в разные исторические периоды.

Важная часть работы посвящена роли религии в этнической идентификации финнов. Финны Карелии, как население пришлое, на протяжении XVIII – начала XX вв. переживали процесс адаптации к новым условиям. В условиях дисперсного расселения они могли, как сохранить свою культуру, так и оказаться ассимилированными.

Эти взаимоисключающие *in abstracto* тенденции в реальной действительности часто взаимодействовали, порождая самые разнообразные культурные формы. Достаточно высокая степень языковой ассимиляции сочеталась у финнов с устойчивой ориентацией на свои культурные ценности²⁷.

Эта культурная противоречивость, с одной стороны, не могла не отразиться и на религиозных верованиях, с другой, этими верованиями во многом сглаживалась. Одним из основных факторов сплоченности финнов в Карелии стало создание и функционирование лютеранского прихода и приходской школы, объединявших этнические и конфессиональные формы деятельности²⁸.

Репрессии 30-х гг. актуализировали для ссыльных и депортированных народов сохранение религиозных верований, как средства этнокультурной самозащиты. Своеобразный религиозный ренессанс послевоенной эпохи в полной мере отразился и в жизни вновь сложившейся в Карелии этого времени

²⁷ Яловицына, С.Э. Лютеране в Карелии: исторические очерки [Текст] / С.Э. Яловицына. – Петрозаводск: ИП Марков Н. А., 2016. – С. 6.

²⁸ Там же. – С. 190.

финской диаспоры, частью которой, в отличие от предыдущей эпохи, было наличие в ней финнов-игнерманландцев, сильно пострадавших в 30-40-е гг. Со временем это религиозное возрождение вышло из первоначально внутрисемейных отношений в публичную сферу. «Финнам требовались общественное признание, общественная толерантность по отношению к их культуре, в том числе и к лютеранской церкви»²⁹.

Жестко связанной с конфессиональным выбором оставалась этническая самоидентификация финнов Карелии и к концу XX в. «Финны-лютеране, в отличие от православных финнов, демонстрировали приверженность традиционным нормам жизни, более этнически-специфичные образцы поведения»³⁰.

Вместе с тем, в настоящее время, по оценкам автора, этнический состав прихожан становится более пестрым, по преимуществу русскоязычным. Поэтому, заключает С.Э. Яловицына, «можно говорить об ослаблении этнической и конфессиональной связи в лютеранских общинах Карелии в современный период, о приоритете вероисповедальных факторов над этнокультурными в мировоззрении прихожан»³¹.

Финно-угорская мозаика: сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен / отв. ред. О. П. Илюха. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. – 379 с.

Составители сборника, посвященного юбилею известного российского филолога-ономаста И.И. Муллонен, включили в книгу не только работы по языкознанию, но и труды археологов, историков, этнологов, специалистов по музейному и архивному делу.

Сборник разбит на 4 раздела: междисциплинарные исследования и научное партнерство, языкознание, этнография и фольклористика и, наконец, археология и история.

Первый раздел открывает статья А.Е. Загребина, посвященная неизданным полевым дневникам, письмам, анкетам 20-30-х гг. Это

было время, когда, по образному выражению автора, «ценность народной культуры и значимость ее научного изучения были осознаны самими российскими финно-уграми, когда из среды вчерашних просвещаемых выделились просветители»³².

В статье С.И. Кочкуркиной на карельских материалах анализируются междисциплинарные связи и отношения археологии и топонимики. «Данные топонимии, в сравнении с археологическими данными, не в состоянии датировать то или иное явление, но они могут установить последовательность смены топонимных моделей, реконструировать языковую принадлежность исчезнувших коллективов, ... выяснить территорию расселения народов, пути их передвижения, взаимоотношения с соседями, особенности хозяйственной деятельности». Автор отмечает и большую системность топонимического материала. «Достоверность топонимической информации обеспечивается массовостью, устойчивостью во времени и формульностью топонимии... Современные исследования значительно продвинулись в раскрытии закономерностей образования и функционирования топонимов, что позволяет использовать их в качестве надежного источника для исследования этнокультурного, исторического и языкового наследия территории»³³.

Языковой и культурный контекст, в котором возникло слово «боярин», исследует А.В. Толстиков. Оказывается что различные формы этого слова присутствуют едва ли не во всех западноевропейских языках, при этом устойчиво ассоциируясь с Русью, Россией. Анализ этих форм позволяет говорить об изменении значения слова: от принятых на Руси «старшего дружинника», «высшего чина» – до «младшего», подобного «сыну боярскому». В начале XVII в. в Швеции возникает понятие «русские бояре» для обозначения перешедших на шведскую службу российских подданных, наделенных землей и вошедших в состав шведского дворянства³⁴.

²⁹ Там же. – С. 192.

³⁰ Там же. – С. 192.

³¹ Там же. – С. 192.

³² Загребин, А.Е. «Забытые тексты» этнографического финно-угроведения (1920-1930-е гг.) / А.Е. Загребин // Финно-угорская мозаика: сб. ст. к юбилею Ирмы Ивановны Муллонен. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2016. – С. 14-20 (20).

³³ Кочкуркина, С.И. Археология и топонимика [Текст] / С.И. Кочкуркина // Там же. – С. 31.

³⁴ Толстиков, А.В. Бояре по-шведски: понятие BAJOR в шведском языке XVI-XVII вв. [Текст] / А.В. Толстиков // Там же. – С. 33-42.

Партнерству науки и музея, историков и архивистов посвящены работы М.Л. Гольденберга, И.Г. Петуховой и Е.С. Намятовой. В первой речь идет, помимо прочего, о влиянии музея на научные поиски, авторы второй иллюстрируют тему интересной объемной документальной публикацией по истории деревни Мунозеро.

В обширном разделе языкознания представлены 14 работ, в том числе статья С.А. Мызникова, посвященная оленеводческой лексике на материале уральских языков и севернорусских говоров.

Раздел «Этнография и фольклористика» открывает работа И.Ю. Винокуровой, соединяющая в себе высокое научное качество и очень личное повествование, освещение одной из южно-вепсских космогонических тем на основании собственных полевых материалов. Автор характеризует космографию, происхождение Неба, показывает Небо как – загробный мир, выходит на проблему генезиса космогонических представлений вепсов.

Элементы регламентации и табуирования в этикете банного ритуала карелов представила Л.И. Иванова. Карелы считали баню сакральным локусом, неким семейно-родовым святилищем; здесь проводились ритуалы, связанные с переходными периодами в жизни человека: с рождением, свадьбой и погребально-поминальной обрядностью. Поэтому в банном этикете (исследовательница говорит и о «банных обрядах») «переплелись рациональное и иррациональное, реальное и мистическое, древнее и новое, языческое и христианское»³⁵.

Использованию березы в народной медицине карелов посвящена небольшая работа Т.В. Пашковой. Обычаи, обряды и поверья русского сельского населения, связанные с охраной природной среды в Обонежье представил К.К. Логинов, видящий в основе «крестьянской экологии» близость крестьянского хозяйства природе, осознание природы, как стихии, управляемой высшими силами. Собственные полевые материалы помогли автору ярко представить отношение русского мужика к природе как одухотворенное, анимистическое.

Оригинальная работа выполнена С.М. Лойтер. На материалах дневника, а также интервью Анастасии Степановны Койбиной – уроженки Заонежья, в детстве покинувшей родные места, но сумевшей сохранить в памяти детства ценные фольклорно-этнографические факты. Один из таких фактов – свадебный обряд – приведен в статье С.М. Лойтер по записям А.С. Койбиной.

Близка предыдущей работа И.И. Набоковой с материалами к биографиям сказителей Космозерской волости Павла Перфильевича Горшкова, Ивана Аникеевича Касьянова и др. Изучение биографий позволило «предположить, что в первой половине XIX в. освоение и передача героического эпоса на Космозере происходили не только в замкнутом семейном кругу. Освоению былин способствовал значительный интерес крестьян-отходников к этому жанру. Исполнители былин были выходцами преимущественно из живших нераздельно, сложных по составу семей, имевших достаток, сохранявших традиционный уклад жизни. В значительной степени семьи космозерских сказителей были связаны со старообрядчеством, что также оказывало влияние на сохранение и наследование эпической традиции»³⁶.

В первой статье историко-археологического раздела А.Ю. Тарасов исследует обучение и ученичество в древней индустрии каменных орудий. Разобрав в связи с индустрией каменных орудий явление ученичества, автор дает характеристику источников (стоянка-мастерская Фофаново XIII), оценивает масштабы производства и уровень мастерства. В основе оценки последнего лежит правило: количество отходов от изготовления одного орудия должно оставаться в пределах некоего диапазона. Автор сравнил археологические материалы и результаты, полученные им самостоятельно в результате экспериментов по репликации процессов изготовления орудий. Сделан вывод о наличии заметной доли неудачных попыток изготовить то или иное орудие. Выявлено значительное количество артефактов – «40 предметов, которые могли являться работой учеников или даже просто

³⁵ Иванова, Л.И. Элементы регламентации и табуирования в этикете банного ритуала карелов [Текст] / Л.И. Иванова // Там же. – С. 243.

³⁶ Набокова, И.И. Сказители Космозерской волости: материалы к биографиям [Текст] / И.И. Набокова // Там же. – С. 272.

результатом детской “игры”», подражательных упражнений детей. Наконец, высказано предположение о существовании ученичества, при этом возраст учеников на основании исследований в современной Новой Гвинее определен А.Ю. Тарасовым в 12-14 лет с периодом учебы 5-10 лет.

Еще одна статья на археологическом материале написана Т.А. Хорошун, исследовавшей технологию древнего гончарства Карелии.

А.Ю. Жуков представил статью о правовом положении саами и вепсов «в системе российской государственности». Выделяя «древнерусский» и «московский» периоды включения этих народов в систему государственного управления автор показал, как отношение русского государства к вепсам «укладывалось в обычную, ординарную схему «государство – крестьяне и их волостное самоуправление», а отношение к кочевавшим в приграничье саами выстраивалось несколько по-иному: «государство – саамские старосты (главы родов) – рядовые саами»³⁷.

Просительное послание старообрядцев Шелтопорогского скита о милостыне представил А.В. Пигин, недостатки и парадоксы статических источников, освещающих явление полиэтничности и социальной стратификации в Карелии на рубеже XIX-XX вв. – И.А. Чернякова.

Праздничное пространство города рубежа XIX-XX вв. в глазах современников на материалах Петрозаводска исследовала Е.Ю. Дубровская. Автор отмечает наличие карнавальных,

корпоративных, коллективных элементов, «военного оттенка», наконец, элементов архаики, но в целом перед читателем скорее культурологическое, нежели историческое исследование, опирающееся на те или иные культурологические идеи и формулы Павла Флоренского и современного автора В.В. Давыдовой.

Политика в отношении финноязычной школы в Карелии в 1944 – конце 1950-х гг. анализируется в статье Л.И. Вавулинской. Международные политические коллизии породили парадокс – карельские дети вынуждены были обучаться на чужом для них финском языке. Проблемы с учебной литературой и педкадрами усугубляли положение. В то же время, эта политика позволила поддерживать финноязычный сегмент культуры Карелии.

Анализу репрезентации образов «Нашей страны» и «Нашей Республики» в букварях для школ Карело-Финской ССР посвящена статья О.П. Илюхи. Автор отметила три базовых характеристики образов страны: «большая», «могучая», «богатая»; показала, как складывалось и структурировалось понятие «наша». Оно, это понятие, относилось почти исключительно к стране, государству, столице Москве, и, совсем немного, к образу Карелии. Буквари послевоенного времени «создавались в условиях, когда национальная школа формировала советскую идентичность, а этническая культура воспринималась как помеха в социалистическом строительстве»³⁸.

³⁷ Жуков, А.Ю. Правовое положение саами и вепсов в системе российской государственности IX-XVII вв. [Текст] / А.Ю. Жуков // Там же. – С. 304.

³⁸ Илюха, О.П. Репрезентация «нашей страны» и «нашей республики» в букварях для школ Карело-Финской ССР [Текст] / О.П. Илюха // Там же. – С. 347.